

Научная статья
УДК 347.12

ПРЕЗУМПЦИЯ ДИСПОЗИТИВНОСТИ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА КАК СРЕДСТВО РАЗБАЛАНСИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Курбатов Алексей Янович,

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Аннотация: критикуется использование понятия «презумпция диспозитивности» применительно к нормам гражданского, в том числе корпоративного права, а также смешение значений понятия «диспозитивность» в частных и публичных отраслях права. Доказывается, что для такого подхода отсутствуют правовые основания и он порождает проблемы как в правоприменительной практике, так и в науке гражданского права, поскольку основан на подмене и смешении понятий, а также искажает приемы, используемые при правовом регулировании.

В качестве выводов утверждается: об отсутствии презумпции диспозитивности гражданского, в том числе корпоративного права; о праве суда в рамках правотворческих функций исходить из диспозитивности нормы, осуществляя ее системно-логическое толкование с учетом принципов права, при отсутствии оговорок в норме права о диспозитивности и при наличии существенного нарушения чьих-либо охраняемых правом интересов, но если это не нарушает публичные интересы или интересы определенной категории лиц с повышенным уровнем правовой охраны; об отсутствии у суда права признать императивной диспозитивную норму права в силу наличия оговорки, отсылающей к договору или соглашению сторон, поскольку это означает нарушение ст. 120 Конституции РФ и ограничение прав в контексте ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Ключевые слова: презумпция диспозитивности, диспозитивность в гражданском праве.

Для цитирования: Курбатов А.Я. Презумпция диспозитивности норм гражданского права как средство разбалансирования системы правового регулирования // Казанский юридический вестник. 2025. № 1. С. 31–40.

Scientific article
UDC 347.12

THE PRESUMPTION OF THE DISPOSABILITY OF CIVIL LAW NORMS AS A MEANS OF UNBALANCING THE LEGAL REGULATION SYSTEM

Kurbatov A. Ya.,
Kutafin Moscow State Law University

Abstract: The article criticizes the use of the concept of "presumption of disposition" in relation to the norms of civil law, including corporate law in general, as well as the confusion of the concept of "disposition" in private and public branches of law. The author argues that there are no legal grounds for such an approach, and it creates problems both in law enforcement practice and in the science of civil law, as it is based on the substitution and confusion of concepts, and distorts the methods used in legal regulation.

The conclusions are that there is no presumption of the dispositivity of civil, including corporate law; the right of the court, within the framework of law-making functions, to proceed from the dispositivity of the norm, carrying out its systematic and logical interpretation taking into account the principles of law, in the absence of reservations in the rule of law on dispositivity and in the presence of a significant violation of someone's legally protected interests, but if this does not violate public interests or the interests of certain categories of persons with an increased level of legal protection; that the court does not have the right to recognize a dispositive rule of law as imperative due to a reservation referring to a contract or agreement between the parties, since this means a violation of Article 120 of the Constitution of the Russian Federation and a restriction of rights in the context of Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: presumption of disposition, disposition in civil law.

For citation: Kurbatov A. Y. The Presumption of the Disposability of Civil Law Norms as a Means of Unbalancing the Legal Regulation System // Kazan Law Bulletin. 2025. No.1. P. 31–40.

В последние годы в нескольких решениях высших судов было использовано понятие «презумпция диспозитивности» применительно к нормам гражданского права, что, исходя из традиционного понимания этого понятия, должно означать диспозитивность всех норм гражданского права, если в них не установлено иное. В связи с этим возник целый ряд вопросов как в правоприменительной практике, так и в науке гражданского права.

Данные вопросы возникают в связи со следующим:

- использование понятия «презумпция» в данном случае основано на подмене понятий: сначала особенность гражданского права в виде наличия диспозитивных норм, отражающих специфику приемов правового регулирования, была названа принципом (основами, началом), а затем понятие «принцип» просто заменили на понятие «презумпция». Например, Конституционный Суд РФ первый раз употребил это понятие лишь в 2023 г., хотя система общих норм гражданского права и принципы ее построения остаются в неизменном виде с момента принятия действующей редакции первой части Гражданского кодекса РФ³⁷ (далее – ГК РФ) в 1994 г. Вносимые впоследствии изменения систему норм и принципы не изменяли;

- принципиальные изменения в подходе к определению диспозитивности норм права были введены под определенные ситуации судебными решениями по конкретным делам без выработки системного подхода и проработки всех последствий. При этом законодательные основания для этого отсутствовали. Оправдание этих изменений ссылками наteleологическое (целевое) толкование порождают логический абсурд, поскольку получается, что сначала соответствующие нормы гражданского права приняли с одной целью, а по прошествии определенного периода времени в несколько десятков лет цель их принятия «задним числом» поменялась, хотя сами нормы не изменились;

³⁷ Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

- этот подход начал применяться без четкого понимания сферы его действия. Поэтому с использованием понятия «презумпция диспозитивности» говорится то про гражданское в целом, то про корпоративное, то про договорное право. Тут же возникают вопросы о диспозитивности, например, норм об интеллектуальной собственности, норм, регулирующих закупку для государственных (муниципальных) нужд, норм о защите прав потребителей и др., хотя анализ данных сфер правового регулирования всегда наглядно показывал, что диспозитивность норм не может быть признана ни принципом, ни презумпцией этих сфер и соответственно гражданского права в целом;

- происходит смешение, как минимум, понятия принцип права и определения диспозитивности нормы права, а также диспозитивности при публичном регулировании как выбора среди дозволенного и диспозитивности в гражданском (частном) праве;

- возникает вопрос о порядке реализации данного подхода. Такого способа защиты как оспаривание императивности нормы права не существует, соответственно это вопрос толкования нормы права. При использовании понятия «презумпция диспозитивности» более важный вопрос о способах толкования норм права отодвигается на второй план или вообще игнорируется.

Кроме того, понятие «презумпция диспозитивности» без всякой корректировки употребляется не только применительно к материальному, но и к процессуальному праву (причем в отношении большинства видов процесса), хотя в этих отраслях оно имеет совсем другое значение (выбор среди дозволенного). Тем самым смешиваются различия публичного и частного права.

Такой подход ничего, кроме проблем, не порождает, и только увеличивает количество судебных споров.

Сначала возьмем для сравнения диспозитивность в процессуальном праве. Например, в отношении гражданского судопроизводства Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что «диспозитивность в гражданском судопроизводстве означает, что процессуальные отношения возникают, изменяются и прекращаются, главным образом, по инициативе непосредственных участников спорного материального правоотношения, которые имеют возможность с помощью суда распоряжаться своими процессуальными правами, а также спорным материальным правом» (см., например, абз. 3 п. 2 Постановления от 26.02.2024 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 6 статьи 367 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Стройпрогресс»³⁸).

Во-первых, получается, что диспозитивность в гражданском процессуальном праве, хотя и основывается на цели и принципах гражданского судопроизводства, по сути, означает возможность распоряжаться правом на обращение в суд, а также правами в процессуальных отношениях по своей инициативе. В то же время процессуальные права, через которые реализуется право на судебную защиту как конституционное право, – это права, определяемые законом как в части наличия самих прав, так и в части порядка их реализации, что и предопределяет значение диспозитивности в соответствующих отраслях права как выбор среди дозволенного.

Во-вторых, возникновение правоотношения по инициативе стороны не является признаком, характерным только для частных отношений, поскольку данный прием правового регулирования применяется и в публичных отраслях права, например, в виде возбуждения производств по обращениям в правоохранительные органы. Речь должна идти о преобладающих приемах правового регулирования и это следствие, а не ключевой признак явления.

Смешение понятий диспозитивности в публичных и частных отраслях уже привела к тому, что гражданский, арбитражный и даже административный процессы, согласно паспорту научной специальности, отнесены к специальности 5.1.3 – «Частноправовые

³⁸ Собрание законодательства РФ, 04.03.2024, № 10, ст. 1481.

(цивилистические) науки (юридические науки)»³⁹. В результате по данной специальности защищаются диссертации, например, о властных полномочиях судов (других у них нет), через которые и обеспечивается реализация цели и принципов судопроизводства. Хотя все отрасли процессуального права по критериям охраняемого интереса и используемых приемов правового регулирования относились и относятся к публичным образованиям.

Диспозитивность в гражданском праве, как известно, означает возможность урегулировать отношения соглашением сторон, что основано на принципе свободы договора, который является принципом гражданского права и для других отраслей права не характерен. И только если такое соглашение не достигнуто, применяются нормы права. Возникающие по данному вопросу проблемы касаются определения сферы применения таких соглашений, но это не сводится только к определению диспозитивного или императивного характера норм права тем более по наличию каких-то дополнительных запретов.

В гражданском праве долгое время применялся формальный подход, согласно которому диспозитивными являются нормы, содержащие оговорки об ином, где упоминаются договоры или соглашения сторон⁴⁰. Впоследствии в связи с развитием правотворческих функций судов и изменением подходов в толковании норм права, а именно расширением использования иных, чем буквальное, способов толкования, этот формальный подход стал размываться.

Законодательных оснований для обоснования презумпции диспозитивности в гражданском праве, как уже отмечалось, нет. Обычно в качестве такого обоснования ссылаются на либо телеологическое (целевое) толкование, о котором говорилось выше, либо на п. п. 3 и 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»⁴¹ (далее – Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16), согласно которым, если норма не содержит явно выраженного запрета на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного в ней, и отсутствуют критерии императивности (необходимость защиты особо значимых охраняемых законом интересов, существование законодательного регулирования данного вида договора), она должна рассматриваться как диспозитивная. Наличие или отсутствие оговорок, свидетельствующих о диспозитивности, суд может не учитывать.

По поводу положений указанных пунктов Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 следует отметить следующее.

Во-первых, в практической деятельности сразу возник вопрос, что такое нормы, содержащие «ярко выраженный запрет на установление иного условия договора». Правовое регулирование гражданско-правовых отношений основано на общедозволительном принципе правового регулирования. Соответственно, исходя из общего подхода, раз норма сформулирована так, что исключает иной вариант поведения (т. е. вводится запрет в широком смысле), то установление дополнительного запрета может быть обусловлено только целями повышенной правовой охраны в виде исключения этого вопроса из сферы договорного регулирования (в частности, что соответствующее условие договора – ничтожно). Таких норм немного и, самое главное, к диспозитивности они прямого отношения не имеют.

Во-вторых, проигнорирована целая система содержащихся в ГК РФ оговорок о диспозитивности, которую нельзя воспринимать как набор «пустых» фраз, это система является определенной гарантией защиты прав участников отношений через закрепление, когда стороны могут отступить от предписаний закона и на основании чего, что создает

³⁹ Данные об официальном утверждении и опубликовании паспортов научных специальностей по юридическим наукам отсутствуют, но диссертационные советы работают в соответствии с ними.

⁴⁰ Подробнее об оговорках об ином см. Курбатов А. Я. Проблемы применения норм гражданского права: учебное пособие для вузов. М: Издательство Юрайт, 2021. С. 26-37.

⁴¹ Вестник ВАС РФ, № 5, май, 2014.

правовую определенность, а также позволяет защитить интересы сторон в тех случаях, когда договором или решением собрания какой-либо вопрос не урегулирован.

В-третьих, «существо законодательного регулирования данного вида договора» к диспозитивности норм в гражданско-правовом смысле отношения не имеет, поскольку устанавливается законодательно через закрепление критериев выделения видов договоров и обязательных элементов их содержания. То же самое касается оговорок со ссылками на законы и иные правовые акты. Кроме того, «защиту особо значимых охраняемых законом интересов» и «существо законодательного регулирования» для определения императивности нормы разделять нельзя, поскольку это взаимосвязанные явления. Раз речь идет о защите публичных интересов и интересов определенной категории лиц с повышенным уровнем правовой охраны, например, потребителей, то это и определяет существование законодательного регулирования и императивность норм права. И наоборот, императивность норм права необходима тогда, когда речь идет об охране этих интересов.

Примеры диспозитивности, приведенные в п. п. 2 и 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16, некорректные, поскольку в них диспозитивность смешивается с другими приемами правового регулирования (в частности, с запретом на ухудшение положения стороны в договоре, с отсылками на специальные нормы права или с установлением таких норм)⁴².

Иными словами, приемы и пределы оценки нормы права на предмет императивности-диспозитивности иные. Когда нет оговорок, свидетельствующих о диспозитивности, т. е. с формальной точки зрения норма императивная, суд при условии нарушения чьих-либо охраняемых законом интересов должен определить, какие интересы охраняет норма права, и только если придет к выводу, что эти интересы не являются публичными или интересами определенной категории лиц с повышенным уровнем правовой охраны, он может исходить из диспозитивности нормы, обосновывая это через принципы права. Иными словами, это определяется не презумпцией, а необходимостью защиты интересов с соблюдением их иерархии через полномочия судов по системно-логическому толкованию норм права⁴³. И в данном случае уже нельзя говорить об изменениях «задним числом», поскольку системно-логическое толкование учитывает эволюцию системы права в целом.

Тем самым таким способом можно защищать только частные интересы при отсутствии их противоречия с интересами, обладающими повышенной степенью правовой охраны. Примером является отказ суда в применении неравных условий договора в отношении одной из сторон, например, более высокой неустойки, чем установлена для другой стороны.

Это также может быть обусловлено и тем, что императивная с формальной точки зрения норма права устарела и не соответствует изменившимся целям и принципам правового регулирования соответствующих отношений, выраженных в иных нормах права.

К сожалению, указанный подход Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 практически полностью без какой-либо корректировки воспринял Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 02.06.2022 № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 310, пункта 4 статьи 421, пункта 1 статьи 422, пункта 1 статьи 450, пункта 2 статьи 450.1 и абзаца второго пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Пыкиной» (абз. 5 и 6 п. 3.1)⁴⁴.

Применительно к этому Постановлению Конституционного Суда РФ следует обратить внимание на следующее.

⁴² Подробнее об этих примерах см. Курбатов А. Я. Указ. соч. С. 31-32.

⁴³ Подробнее о системно-логическом толковании см. Курбатов А. Я. Защита прав потребителей финансовых услуг: монография. М.: Юстицинформ, 2023. С. 147-167.

⁴⁴ Собрание законодательства РФ, 20.06.2022, № 25, ст. 4391.

Во-первых, как и в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16, в нем речь идет только о принципе свободы договора и нормах договорного права, т. е. о договорных отношениях. Получается, что применительно к другим отношениям, где принцип свободы договора неприменим или ограничен, правовых оснований говорить о презумпции диспозитивности вообще никаких нет. Суды по своему усмотрению решать, применять им нормы закона и тем самым защищать охраняемые ею интересы или нет, не могут (ст. 120 Конституции РФ⁴⁵).

Во-вторых, при определении норм, подпадающих под формулировку: «содержащие ярко выраженный запрет на установление иного условия договора» Конституционным Судом РФ были восприняты подходы, выработанные судами по конкретным делам, что это нормы, где прямо указано, что «подобное соглашение ничтожно, запрещено или не допускается, либо указано на право сторон отступить от содержащегося в норме правила только в ту или иную сторону, либо такой запрет иным образом недвусмысленно выражен в тексте нормы».

Эти подходы тоже построены на смешении понятий.

Например, согласно п. 4 ст. 837 ГК РФ⁴⁶ условие договора об отказе гражданина от права на получение срочного вклада или вклада до востребования по его требованию ничтожно. Это положение к императивности-диспозитивности отношения не имеет, поскольку это другой вид ограничения свободы договора в виде исключения вопроса из сферы договорного регулирования. К тому же это ограничение вводится в целях защиты интересов всех потенциальных вкладчиков банков, а императивность нормы уже предопределется данной целью. В данном случае таким образом законом охраняются интересы неограниченного круга лиц, в отношении которых вводится запрет на их ограничение договором. Поэтому даже если указания на ничтожность не было бы, условия договора, ограничивающие это право вкладчиков, все равно признавались бы ничтожными на основании ст. 168 ГК РФ.

В подтверждение можно привести позицию Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой ничтожными являются сделки, нарушающие требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц (п. 74 Постановления от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴⁷, далее - Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25).

Если говорить о праве сторон отступить от содержащегося в норме правила только в ту или иную сторону, то, например, в соответствии с п. 2 ст. 332 ГК РФ размер законной неустойки может быть увеличен соглашением сторон, если закон этого не запрещает. Исходя из общедозволительного принципа правового регулирования, это тоже ограничение свободы договора, поскольку изменить договором размер законной неустойки можно только в сторону увеличения, что означает запрет на ее уменьшение.

В-третьих, Конституционным Судом РФ добавляется еще один критерий для определения императивности нормы права, а именно недопущение грубого нарушения баланса интересов сторон. По этому поводу нужно обратить внимание, что это подход не для сторон отношений, а для суда. В качестве доказательства можно рассмотреть следующую ситуацию: сторона, которая готовит проект договора, решает, что исполнение императивного с формальной точки зрения предписания закона грубо нарушает их баланс интересов с другой стороной (естественно, со своих позиций), включает в текст договора иное положение, убеждает другую сторону это принять и начинает надеяться на то, что, если возникнет спор и он дойдет до суда, то суд эту позицию поддержит. При этом в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 указано, что толкование судом условий договора должно осуществляться в пользу контрагента стороны, которая

⁴⁵ Российская газета, № 237, 25.12.1993.

⁴⁶ Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.

⁴⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2015.

подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия (п. 11). Представляется, что другая сторона договора (контрагент) при возникновении спора обязательно этим воспользуется. Кстати, такая же ситуация возникает и в других случаях отступления сторонами от положений законов при отсутствии оговорок, свидетельствующих о диспозитивности.

Соответственно, учитывая, что такого способа защиты как оспаривание императивности нормы права не существует, данный подход Конституционного Суда РФ можно рассматривать только как критерий для суда при толковании нормы права, когда одна из сторон оспаривает применение нормы, которой, по мнению другой стороны, противоречит условие договора.

В-четвертых, Конституционный Суд РФ, также как Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16, исходил из того, что ограничения прав в контексте ч. 3 ст. 55 Конституции РФ можно установить только «явно выраженным запретами», хотя способов ограничения прав достаточно много, включая принципы права, например, добросовестность. Здесь вообще проявляется парадоксальная ситуация. За тридцать с лишним лет Конституционный Суд РФ так и не выработал единого подхода, что является таким ограничением прав в контексте ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, каждый раз вырабатывая особый подход и оговаривая его дополнительными условиями⁴⁸.

Еще до принятия Постановления Конституционного Суда РФ от 02.06.2022 № 23-П несколькими решениями судов по конкретным делам, в том числе на уровне Верховного Суда РФ, презумпция диспозитивности была распространена на нормы корпоративного права.

К сожалению, данный подход был поддержан Президиумом Верховного Суда РФ и закреплен в п. 15 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2020), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020⁴⁹.

Помимо этого, нельзя не отметить, что в этом Обзоре было заявлено, что «устав является сделкой и к нему применимы нормы гражданского законодательства о сделках, в том числе о решениях собраний, и об основаниях признания их недействительными».

В то же время сделки, в отличие от уставов и решений собраний (которыми уставам придается юридическая сила), не могут создавать права и обязанности для лиц, не участвующих в их заключении (за исключением односторонних сделок), и не принимаются большинством голосов, а оспаривание локальных актов – это отдельная категория споров, поскольку для признания решений собраний недействительными установлены специальные основания (ст. 181.3-181.5 ГК РФ). Не говоря уже о том, что это прямо противоречит ГК РФ, который разделяет такие юридические факты как сделки и решения собраний (п/п 1 и 1.1 п. 1 ст. 8).

Для того, чтобы применять нормы права по аналогии совершенно не требуется отождествлять разные понятия, должна быть схожесть отношений по каким-либо признакам либо подчинение правового регулирования этих отношений одинаковым принципам права (ст. 6 ГК РФ).

Данная remarка по поводу уставов и сделок напрямую не касается диспозитивности, а просто свидетельствует об уровне этого разъяснения.

В результате таких решений были созданы основания для ограничения любых прав участников и акционеров уставами обществ. При этом в некоторых литературных источниках этот крайне сомнительный подход почему-то обозначают как «новый этап в развитии корпоративного права», хотя тут больше подходит понятие «уничтожение».

В подтверждение, что это не только мое мнение, приведу цитату из работы авторитетных специалистов по корпоративному праву: «Что касается корпоративного права, то презумпция диспозитивности, по существу, нивелирует всякое значение норм

⁴⁸ По этому вопросу см. Курбатов А. Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография. М.: Юстицинформ, 2022. С. 26-31.

⁴⁹ По информации из СПС «Консультант Плюс» документ опубликован не был (дата обращения: 03.09.2025).

объективного права: зачем их вообще устанавливать, если презюмируется свобода воли и диспозитивность? При таком подходе содержание 90% норм ГК РФ и Закона об акционерных обществах можно вообще игнорировать, провозгласив презумпцию диспозитивности»⁵⁰.

С этим нельзя не согласится, поскольку обозначенные судебные подходы разбалансируют всю систему правового регулирования. Десятки законов, содержащих нормы гражданского права, на протяжении десятков лет с точки зрения юридической техники пишутся исходя из подхода: формулируем правило и устанавливаем случаи, когда стороны могут его изменить, а суды вдруг начинают исходить из того, что мы оговорки о диспозитивности игнорируем, учтываем только запреты (при отсутствии единого понимания, что это такое) и «особо значимые охраняемые законом интересы» (определение которых тоже может вызывать разногласия). А обусловленное слабостью законодательной власти усиление правотворческой функции судов, в частности, за счет расширения использования иных, чем буквальное, способов толкования, подменяется презумпцией гражданского, в том числе корпоративного права, в целом.

Данный вопрос достаточно наглядно показывает состояние действующей российской правовой системы, когда все переводится в оценочные категории с нарушением логики и с подменой или смешением понятий, что, в конечном итоге, сказывается на всей системе правового регулирования.

Основными из вышеизложенного являются следующие выводы:

- никакой презумпции диспозитивности гражданского, в том числе корпоративного права, в целом - нет. Это подмена понятий, искажающая систему принципов права, приемов правового регулирования и способов толкования норм права;
- при отсутствии оговорок в норме права о диспозитивности, но при наличии существенного нарушения чьих-либо охраняемых правом интересов суд в рамках правотворческих функций может исходить из диспозитивности этой нормы, осуществляя ее системно-логическое толкование с учетом принципов права, но если при этом это не нарушает публичные интересы или интересы определенной категории лиц с повышенным уровнем правовой охраны;
- диспозитивную норму права в силу наличия оговорки, отсылающей к договору или соглашению сторон, суд признать императивной не может, поскольку это означает нарушение ст. 120 Конституции РФ и ограничение прав в контексте ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, что допускается только законом и, по мнению автора, означает ограничение прав на вступление в правоотношение (в данном случае права на определение условий заключаемого договора и соответственно содержания правоотношения, которое и закрепляется в диспозитивной норме). Если заключенный сторонами договор или принятое собранием решение противоречит законодательству, то он может признаваться недействительным по другим основаниям. Можно вспомнить право суда применить последствия недействительности ничтожной сделки по своей инициативе, если это необходимо для защиты публичных интересов (п. 4 ст. 166 ГК РФ), принцип добросовестности (п. п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ).

Также будем надеяться, что выработанная судами презумпция диспозитивности не найдет широкого применения на практике, потому что это слишком рискованная конструкция для участников гражданского оборота отдавать все на усмотрение судам (причем через значительный промежуток времени, когда речь уже идет об исполнении обязанностей), и эти участники будут исходить из традиционных формальных критериев определения диспозитивной нормы в виде наличия оговорок, что создает хоть какую-то правовую определенность.

⁵⁰ Гутников О. В. «Пределы императивности в акционерном праве». В книге «Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин. М: Статут, 2021. Доступ из системы Консультант Плюс (дата обращения: 03.09.2025).

Вопрос о признании императивной нормы диспозитивной может возникать, если применение нормы привело к существенному нарушению чьих-либо охраняемых правом интересов, что повлекло возникновение судебного спора, а не при заключении договора.

Для лучшего понимания системно-логического толкования норм права можно привести следующий пример.

Согласно общих положений, содержащихся в п. 1 ст. 60 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁵¹ (далее - Закон о банкротстве) конкурсные кредиторы как лица, участвующие в деле о банкротстве, вправе обжаловать действия арбитражного управляющего.

В специальных положениях Закона о банкротстве, посвященных банкротству кредитных организаций, указывается следующее:

- в п. 2 ст. 189.59 - лица, не указанные в пункте 1 этой статьи (конкурсный управляющий, Банк России, лица, привлекаемые при рассмотрении вопросов о субсидиарной ответственности и об оспаривании сделок), не могут обладать правами лиц, участвующих в деле о банкротстве, к которым относится и право обжаловать действия конкурсного управляющего;

- в п. 2 ст. 189.82 - при проведении процедуры банкротства законные интересы конкурсных кредиторов и уполномоченных органов представляют собрание кредиторов и (или) комитет кредиторов.

Если толковать перечисленные положения буквально, то они лишают должника, конкурсных кредиторов, уполномоченных органов (т. е. лиц, ради которых процедура банкротства и проводится) прав лиц, участвующих в деле о банкротстве, и, как следствие, права на обжалование действий конкурсного управляющего.

Верховный Суд РФ, отменил решения судов трех нижестоящих инстанций и по данному вопросу указал, что запрет на заявление возражений отдельными кредиторами исключал бы судебный контроль над действиями конкурсного управляющего и противоречил бы конституционной гарантии на судебную защиту (п. 16 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2019), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019⁵²).

В данном случае нормы права истолкованы Верховным Судом РФ с учетом общих начал (т. е. принципов и гарантий), а именно конституционного права на судебную защиту⁵³.

Указание на подобный способ толкования применительно к нормам гражданского права содержится в абз. 1 п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25.

Это один из аспектов системно-логического толкования, т. е. способа толкования нормы права, который, по мнению автора, является основным и преобладающим.

Данный пример приведен, поскольку достаточно распространена точка зрения, что банкротное право – это часть гражданского права, хотя правильно говорить о нем как о комплексном правовом образовании, а также о сложном банкротном правоотношении, включающем как публичные отношения (например, с арбитражными управляющими), так и частные (например, между конкурсными кредиторами).

Список источников:

- Гутников О. В. «Пределы императивности в акционерном праве». В книге «Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д.В. Ломакин. М: Статут, 2021. - 414 с.
- Курбатов А. Я. Защита прав потребителей финансовых услуг: монография. М.: Юстицинформ, 2023. – 168 стр.

⁵¹ Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190.

⁵² Бюллетень Верховного Суда РФА, № 10, октябрь, 2019.

⁵³ Подробнее об этом деле см. Курбатов А. Я. Устранение судами недостатков законодательного регулирования отношений несостоятельности (банкротства) // Судья, 2024, № 11. С. 60-64.

3. Курбатов А. Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография. М.: Юстицинформ, 2022. – 244 стр.
4. Курбатов А. Я. Проблемы применения норм гражданского права: учебное пособие для вузов. М: Издательство Юрайт, 2021. – 153 стр.
5. Курбатов А. Я. Устранение судами недостатков законодательного регулирования отношений несостоятельности (банкротства) // Судья, 2024, № 11.

References:

1. Gutnikov, O. V., "The Limits of Imperativeness in Joint-Stock Law." In the book "Twenty-five Years of Russian Joint-Stock Law: Problems, Tasks, and Development Prospects / Ed. D. V. Lomakin." Moscow: Statut, 2021. - 414 p.
2. Kurbatov, A. Ya. Protection of the Rights of Consumers of Financial Services: Monograph. Moscow: Yustitsinform, 2023. - 168 p.
3. Kurbatov, A. Ya. Entrepreneurial Law: Problems of Theory and Law Enforcement: Monograph. Moscow: Yustitsinform, 2022. - 244 p.
4. Kurbatov, A. Ya. Problems of Application of Civil Law Norms: Textbook for Universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2021. – 153 pp.
5. Kurbatov, A. Ya. "Elimination of Deficiencies in Legislative Regulation of Insolvency (Bankruptcy) Relations by Courts" // Judge, 2024, No. 11.

Сведения об авторе:

Курбатов Алексей Янович,

профессор кафедры банковского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина,
доктор юридических наук, доцент
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1;
E-mail: akurbatov63@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5408-0670

About the author:

Kurbatov Alexey Yanovich,

Professor of the Department of Banking Law at the Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia),
Doctor of Law, Associate Professor
125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya st., 9, building 1;
E-mail: akurbatov63@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5408-0670

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.272